

Фото: Dmitry Rozhkov / Wikimedia

Слава Полунин - человек, который получает удовольствие

В шоне великому клоуну, Народному артисту РФ Славе Полунину исполнилось 70 лет. В связи с этим мы решили повторить его интервью, которое он дал нашему журналу в 2003 году.

В течение месяца в венском театре «Ронахер» шел «Снежный спектакль» (Snow-show), поставленный знаменитым российским клоуном Вячеславом Полуниным, любимым нами Асисяем. Правда, сам он принимал в нем непосредственное участие только в первые четыре дня – потом уехал в Москву, где тоже показывали его представление. Мне удалось застать Славу в момент подготовки спектакля, когда устанавливали декорации и свет. Он оказался очень открытым, дружелюбным человеком и без лишних разговоров согласился дать интервью для нашего журнала.

– Слава, Вы не забыли своего Асисяя?

– Асисяя-то? Он все равно существует, его везде просят показать, и я всегда с удовольствием это делаю.

– Асисяй и герой снежного шоу – они такие разные...

– Разные. Тот был совсем еще ребенком, такой искренний и восторженный. А этот уже сильно задумался.

– Вы много гастролируете?

– Очень много. Ну, например, этот спектакль объездил 50 стран.

– А в Австрии Вы уже бывали?

– Лет двадцать назад.

– У Вас, конечно, не было времени побродить по Вене?

– В прошлый раз не было. А сейчас мы за два дня уже кое-что посмотрели.

– Вам, наверное, здесь не нравится – слишком тихо и спокойно.

– Наоборот – нравится. Я это очень люблю. Я сейчас перебрался в деревню под Парижем – мы открыли там театральный центр.

– Разве Вы живете не в Англии?

– Моя компания действительно находится в Англии, ею занимается мой сын, а я работаю над новыми спектаклями в этой деревеньке. Очень красивое местечко, по трассе всего в 20-ти минутах езды от центра

Парижа. Там у меня цапли, выдры, рыбы... Очень уютно, по-домашнему, по-деревенски. Я ведь родом из деревни и все свое детство провел в лесу. Мне достаточно тяжело находиться в большом городе. Тот центр, который у меня сейчас под Парижем, я построил таким образом, что непонятно, где начинается природа, а где заканчивается человеческое создание. Там огромный сад – 4 га, множество всяких странных мест, где мы специально организуем театральное пространство. То вписываем пруд в амфитеатр, то на одном берегу реки у нас идет спектакль, а публика находится на противоположном берегу.

– Прямо там проходят спектакли?

– Не для проката. Это творческий цех. И всегда минимум 20 человек там живут. Половину из них я даже не знаю. Люди приезжают заниматься своими творческими работами. Там все для этого подготовлено: костюмерная, мастерская, где можно делать декорации, – все служит для

того, чтобы помогать создавать театральное действо.

– У Вас трое детей?

– Да, три сына. Один здесь, Дима. Он – технический директор этого шоу. Все смонтирует, а потом уедет опять в Лондон. Другой сын сейчас готовит шоу в Москве, а третий находится в Питере – занимается музыкой.

– Значит, только один пока что не приобщен к папиной деятельности?

– Тоже приобщен, он только недавно был со мной на гастролях на Украине.

– Вы актер – это понятно. А кто занимается организацией? Тоже Вы?

– С одной стороны, мы многое делаем сами, а с другой стороны, поступаем так, как это принято на Западе: весь ангажемент ведет моя жена Лена (тоже клоунесса. – Прим. ред.), она делает все – «От А до Я», но при этом мы всегда находим продюсера, который вкладывает деньги и рискует, всегда находим агентства, которые ищут для нас интересные театры и гастроли. Обычная система.

– Как Вас принимали вчера на первом венском спектакле?

– Замечательно. Хотя было очень сложно. Публика непривычная. Не сразу мы смогли ее завоевать.

– Как это все происходит? Это действие без слов? Просто картинки – и все?

– Ни одного слова. Но спектакль уже получил множество премий, например, «Лоуренса Оливье» – как лучший театральный спектакль Лондона, в Москве завоевал премию «Триумф» как театральное событие десятилетия и т. д.

– Вам присвоили звание Народного артиста России. Как Вы на это отреагировали? Вы же не живете сейчас в России.

– В последнее время я практически каждый год там бываю и выступаю. Приятно, конечно, когда тебе говорят, что то, что ты делаешь, другим тоже интересно.

▲ *Слава Полуни. Волгоградский цирк. Примерно 1984 г.*

Фото: GSS2019 / Wikimedia

– Российские награды для Вас важнее, чем английские, французские и прочие?

– Нет, почему же? «Лоуренс Оливье» посерьезней будет. Звание Народного артиста России раздают направо и налево, а эту премию еще нужно заслужить.

– У Вас в России квартира или ничего не осталось, и Вы живете просто в гостинице?

– В гостинице.

– Значит, от России Вы оторвались?

– Да нет. Я как бы нахожусь на гастролях. Уехал 10 лет назад на гастроли, так их и продолжаю...

– А с русскоязычными Вы общаетесь за границей?

– Всегда. Везде на представления приходят русские. В принципе, спектакли идут для всех, и никак нельзя понять, что это представление связано с Россией. Это становится очевидно только после прихода журналистов, которые обнаруживают русскую образность – пишут, что в этом спектакле «ночуют» и Гоголь, и Достоевский.

– Очень жаль, что я не знала о «Сноу-шоу» заранее. Когда увидела афишу, конечно, сразу поняла, что

это Вы. А вот люди, которые уехали давно и не знают подробностей Вашей театральной деятельности, просто не ассоциируют этот спектакль с любимым ими Асисаем.

– Мы всегда подолгу гастролируем. В Париже, например, работали три месяца, здесь, в Вене, – целый месяц, в конце концов, все русские как-то узнают о нас и приходят.

– Насколько я понимаю, у Вас вся семья приобщена к спектаклю.

– Даже подружка моего сына: она теперь тоже работает у нас администратором. Это как семейный цирк – родные и друзья.

– Но в Ваших спектаклях участвуют не только русскоязычные.

– У меня друзья по всему свету. Сейчас, например, со мной и чех, и итальянец, и израильтянин. Бывает, половина труппы – люди из разных стран. На этот раз я привез с собой человек десять, хотя мне для спектакля надо всего пять. Это мои лучшие друзья, и я знаю – оттого, что нам вместе здорово, от удовольствия нашего общения, которое выплескивается на сцену и переходит в зал, зрителям тоже хорошо.

– Как Вы относитесь к жизни на колесах?

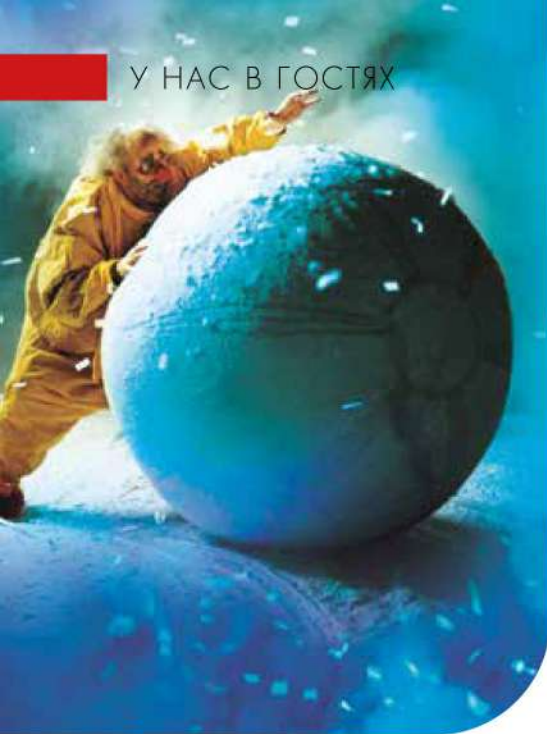
– По-всякому. Как и в любом образе жизни, здесь есть и положительное, и отрицательное. Что-то выигрываешь, а что-то проигрываешь. Если сидишь на месте – проигрываешь путешествия, если путешествуешь – проигрываешь дом.

– А как Вы все это привозите, весь Ваш реквизит?

– На машине с прицепом. Она у нас замечательная. Ей много-много лет, и она как член семьи. Эта машина уже объехала весь земной шар, ну, вроде как старинный цирковой караван.

– Вы серьезный человек или веселый?

– И веселый, и серьезный. Очень хотел бы быть только веселым, но не всегда получается, правда, я стараюсь. Я специально настраиваюсь на то, чтобы не распускать нюни.

▲ *Slava's Snowshow*
 Фото: www.slavasnowshow.com

– Ну, Вы же уже достигли определенных вершин!

– Проблемы могут быть на любом уровне существования. Все равно они пытаются на тебя нажимать, а ты пытаешься их разбросать. Вчера, например, было столько вещей, из-за которых можно было бы устроить истерику. Ну что делать: что-то смогли изменить, чего-то не смогли. Это получилось, а то можно было бы сделать лучше.

– Хорошо Вам: Вас семья поддерживает и работает с Вами!

– Во всем, как я уже говорил, есть положительные и отрицательные стороны. Когда все как одно целое – за одно болеют, одному радуются, – это здорово. Но и очень сложно, потому что все проблемы спектакля влезают в семью и круглосуточно там бродят.

– Вы считаете себя деловым человеком?

– Конечно, очень деловым. Иначе я не смог бы осилить такое. В принципе, для каждого дела требуется быть одновременно деловым и неуправляемым – только такое сочетание дает равновесие. Если ты художественная натура, то в себе надо найти столько же и деловых качеств.

– Значит, Вам деловитость не в ущерб?

– Приходится все совмещать в себе одном и получается, что от этого только выигрываешь. Если бы это было не так, то каким бы талантливым я ни был, никто этого не увидел бы. Только из-за того, что я могу сам себе помочь в организационных вопросах, все это и получается.

– Вы считаете себя уважаемым человеком?

– Это слово ко мне невозможно прилепить ни с какого боку. Это понятие так далеко от меня, что я даже не смогу его объяснить.

– Кем же Вы себя считаете?

– Я – белый клоун. Есть рыжие, и есть белые. Рыжий – это сумасброд, идущий за своим удовольствием. А белый – это тот, кто точно знает, как должно быть, куда двигаться и каким путем.

– Во всяком случае, в моем представлении уважаемый человек должен ходить в костюме и при галстуке. Вы когда-нибудь надеваете костюм?

– Пару раз было. Один раз мы всем театром по очереди надевали верхнюю часть, чтобы сфотографироваться на документы. А еще в Москве меня попросили прилично одеться, когда президент вручал мне премию «Триумф».

– Я Вас спросила об этом, потому что на Форуме соотечественников в Москве Вы были в чем-то красном. Почему в красном?

– Понравилось, да и все. Мы вообще всей семьей стараемся носить яркие цветные вещи – как-то веселее становится. И этим все друзья заразились. Я думаю, что цвет влияет на настроение.

– Оно у Вас всегда хорошее?

– Что касается настроения, то оно идет больше от головы, чем от нутра. Жить под грудой проблем нельзя, поэтому я всегда расчищаю небо над головой. Это необходимо. Но, надо сказать, что пока у меня не было таких проблем, как у обычных людей. Я всегда веселый, всегда в движении. Когда у

меня еще не было театра и я работал в разных местах, жизнь состояла из хохота, фантазий, беготни, путешествий, встреч, вечеринок, и это было для меня нормально и естественно.

– А кто придумал «Сноу-шоу»?

– Основу сделал я – не знаю уж, на сколько процентов, но вовлечены были все: моя семья и друзья. Мы создавали этот спектакль в городе Пушкино в 1992 году, в плохое и такое «холодное» время, когда в Питере было просто голодно. Мы запаслись мешком картошки и поселились на территории Екатерининского дворца. Мы узнали, что там сохранились домики для гостей – это место называется Китайской деревней, сняли за 1 000 долларов четыре дома на год и позвали туда всех своих друзей. Это было потрясающее время, наверное, поэтому и спектакль получился таким. Какая была атмосфера: 300 га красивейшего парка и эти сумасшедшие, с утра до ночи, песни, пляски и фантазии! Мы с Ленкой в течение многих месяцев вставали часов в 8 – 9 утра (как по настроению получалось) и шли гулять по парку. Полдня, минимум 4 – 6 часов, бродили и болтали про этот спектакль. У меня есть замечательный друг, Витя Крамер, – он сейчас один из лучших режиссеров в Питере. И его привлекли. Я придумывал и показывал, а он правил. Все, кто собирался вокруг, участвовали в создании спектакля.

– Вы скучаете по тем местам?

– Не столько по местам, сколько по той атмосфере. Я, например, с удовольствием раз в два года приезжаю в маленький городок в Орловской области, где я вырос.

– Ваши родители живы?

– Только мама осталась, я ее перевез в Питер и там навещаю.

– Вы любите Санкт-Петербург. А еще какие города?

– После Питера я еще столько навлюблялся: в Венецию, в Барселону, в Амстердам... У меня такое количество любимых городов сейчас!

– **А Вену полюбили?**

– Еще не успел. Но думаю, что это вполне возможно. Здесь жил архитектор, чьи творения я обожаю. Это Хундертвассер. Даже если говорить про барселонского Гауди, я не уверен, что он лучше. Я за натуру везде и во всем. За то, чтобы человек своими созданиями не ломал природу, а развивал ее и дополнял. Взаимоотношения между природой и человеком выстроены еще не до конца. Люди пока просто не в состоянии осознать смысл таких вещей. Через 50 – 100 лет вся другая архитектура умрет.

– **О чем Ваш спектакль?**

– Очень трудно рассказать. Если бы я мог выразить это словами, я бы написал роман. Я владею позами, образами и т. д. У меня визуальное мышление, то есть я мыслю картинками. Больше половины моей библиотеки – это живопись: сюрреалисты, символисты... И эти картины я «вытаскиваю» на сцену и через них работаю. Спектакль по-настоящему и силен тем, что его невозможно объяснить словами. Это что-то такое, как воздух, – попытаешься ухватить, а оно ускользает. Принцип всего, что я делаю в театре, – это попытка вернуть человека к себе изначальному. А человек изначально по-настоящему виден в детстве. То, что он есть сейчас, возникает в детских фантазиях, играх, в свободе – тогда появляется дух личности с ее мечтами и желаниями. В начале жизни человек точно знает, кто он такой, куда он стремится, чего он хочет. А потом приходят заботы, сложности, и он постепенно теряет все это и расстается с самым главным, что у него было. И я пытаюсь сделать одно – вернуть детские мечты. Просто напоминаю человеку о том, кем он был и кто он есть на самом деле. И когда человек вдруг это чувствует и, как бы погружаясь в то время, ощущает себя тем самым малышом, у которого были такие потрясающие мечты, я возвращаю ему

то, что он потерял. В этот момент зрители счастливы. Тысячи счастливых людей. В конце спектакля полчаса-час мы, актеры, сидим, а они играют. И остановить их уже невозможно. Они играют, а я смотрю. Целуют друг друга, разыгрывают...

– **Это спектакль для взрослых?**

– Только для взрослых. Ребенок не может понять всей глубины, которая там есть: и трагедия, и ирония, и сарказм – все человеческие чувства. Я создаю такой трагикомический, даже метафизический мир. Сюжет все время обрывается, не за чем следовать – просто состояние натянутых ниточек между артистами и залом. На этом все построено. И никто не может понять то, что происходит, и никогда не сможет объяснить.

– **А кино Вы пытались снимать?**

– Оно, это действие, на экран не ложится. Я пять раз пытался это сделать с лучшими режиссерами. Не получается. Это дух какой-то, его невозможно запечатлеть. Театр невозможно перенести на пленку. Это то, чем он силен, и то, что не в состоянии сделать никакое кино.

Правда, одна девушка из Питера сняла мультфильм. Я впервые увидел такую что ли феллиниевскую неуловимость в мультипликации.

– **Это обычная рисованная мультипликация?**

– Нет, не обычная. Сначала автор снимает кино. Потом пальцами по киноленте рисует гримом. Фантастически! И образы возникают, исчезают, снова появляются...

– **Но в основе-то Ваш спектакль?**

– Да, но он заново переосмыслен. Это как бы сон, не сам спектакль. Мы просто не ожидали, что так получится. Это было большое событие.

– **Вы не пробовали писать? Вы так хорошо говорите, так образно!**

– Не я сам. У меня есть одна очень хорошая подруга, театровед, она уже больше года собирает материалы для книжки: все-все проекты, которые были, все спектакли...

– **Нет, я вообще-то не это имею в виду. Записывать Ваши мысли.**

– Все мои мысли там тоже есть. Это не просто история того, как было, – мы объясняем, для чего все это было и что это такое вообще. Эта книга – путь человека в поисках удовольствия. Мы пытаемся сказать то, что, наверное, считается неправильным, а кого-то даже оскорбит. Мы говорим, что человек должен жить для удовольствия и идеальная формула счастья – наслаждаться своей жизнью, своими действиями, своей работой. И такого состояния надо специально добиваться. Если так не получается, значит, надо пересмотреть свою жизнь – подумать, поискать способы, возможно, что-то бросить, от чего-то отказаться...

Я – счастливый человек: я могу принести радость другим людям. Когда тысячи зрителей в щенячьем восторге прыгают как дети, они возвращают все, что я им отдал, в стократном размере. Понятно, что можно на какой-то период зажаться, чтобы потом получить результат. Но я решил, что никогда не буду так делать. Только когда получаешь удовольствие в процессе, тогда и в конце оно придет, а иначе не будет ничего.

Интервью взяла Ирина Мучкина

▼ *Slava's Snowshow*

Фото: www.slavasnowshow.com

